

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Родившийся в поезде

Рудольф Нуреев (позднее на Западе его фамилия будет изменена на Нуриев) родился в поезде, который шел вдоль Байкала. Произошло это 17 марта 1938 года, под созвездием Рыб. Мать Фариды-апа с тремя дочерями ехала на Дальний Восток к месту военной службы мужа. Четвертый ее младенец появился на свет в выходящем вагоне, что стало символом жизни Рудольфа Нуреева: дорога, ритм, сменяющиеся декорации за окном.

Самое яркое воспоминание детства — толод. Однажды мать решила поехать к дальним родственникам, живущим в 30 километрах от Уфы. К ночи добралась до леса у самой деревни и ахнула: ее окружили волки. Тогда Фариды-апа сняла с себя шерстяное одеяло и подохла его. При виде пламени волки исчезли.

Мать работала на молочном комбинате. Сына любила, хотя с раннего возраста маленький Рудик проявлял черты своевольия и упрямства, — с ним было нелегко. Отец, бывший политработник, был суровым человеком. Когда он заметил нештучное увлечение сына танцами, то веско сказал, как отрезал: «Танцами сыт не будешь, да и не мужское это дело».

Сын же хотел быть инженером, к чему его склонял отец. Его покорила мир танцев, когда впервые в 5-летнем возрасте он увидел в Уфе балет по одной татарской легенде «Журавлиная песня». Это был мир-мечта, в котором так вдруг остро захотелось оказаться всепокоряющим принцем. Но принц — это несбыточная мечта, а в жизни Руди — всего лишь мальчик из бедной семьи, жалкий пасынок Судьбы.

Он на всю жизнь запомнил, как однажды в детстве мать принесла его в детский сад на своей спине, так как не было обуви. Не было и штанишек, и поэтому на него надели платье сестры с пелериной. Руди постоянно испытывал голод и пролил у всех, чтобы ему дали что-то пожевать. «По-бирушка» — так звали его за это. А еще — «Лягушатник» — за пристрастие к прыжкам, и «Балеринка» — за необычные движения, которые он делал инстинктивно: он был рожден быть танцором.

Балет, балет, балет...

Прежде чем попасть в Ленинградское хореографическое училище имени Агриппины Вагановой, Нурееву пришлось пройти тяжелый отбор в кружок при Оперном театре и Дворце пионеров. Лишь в 17 лет он был принят в Вагановское училище. Шел 1955 год.

Под руководством Александра Ивановича Пушкина (который стал ему вторым отцом) Нуреев быстро овладел всеми урками классического танца. Но по существу он начал серьезно заниматься балетом в возрасте, когда обучение заканчивается. Недаром один из членов приемной комиссии сказал ему:

— Молодой человек, либо из вас выйдет блестящий танцор, либо вас ждет полный провал. Вероятнее — второе...

В Кировский театр Нуреев попал из Вагановского училища, после дипломного спектакля «Корсар», минувшего кордебалет, — честь, которой до него удостоились лишь Фокин и Нижинский. Его пригласили сразу в Большой и Кировский театры, но он отдал предпочтение Ленинграду.

В истории балета до Нуреева на сцене доминировали балерины. Он возродил забытый после Нижинского мужской танец.

Красота искусства и красота личности как бы слились в Нурееве воедино. И, естественно, это не могло не потянуть за собой длинный шлейф поклонников и поклонниц. Свои, соотечественники — это еще куда ни шло, но Нуреев не скрывал своей связи с кубинской студенткой-танцовщицей, постоянно вступал, по выражению КГБ, «в предоступительные контакты с иностранцами» — артистами гастролирующих по СССР групп, — а уж это вызывало у властей и охранителей режима настоящие паники.

Когда в СССР приехал на гастроли американский балет, власти «ослабили» Нуреева на малозначительный Берлинский фестиваль.

Потомок Чингисхана не мог проклясть это издевательство над собой, ведь это была хит и социалистическая, но все же заграничная. И он,

Прыжок в бессмертие

скрипя зубами, стерпел, но когда уже на родине его послали в поволжскую глубинку, тут уже Нуреев не выдержал и самовольно прекратил эти «колхозные» гастроли. Это было неслыханное опускание.

И вдруг, совсем неожиданно, дверца клетки приоткрылась: в мае 1961 года Рудольфу Нурееву вместе с труппой Кировского театра разрешили отправиться на гастроли. В Париж.

16 июня 1961 года

Вылет труппы состоялся 11 мая, и уже вечером того же дня Нуреев, пренебрегая обязательными «тройками» и «пятёрками» (одному находилось категорически возбранялось), в одиночестве бродил по Парижу. Ему было всего 23 года, и он хотел завоевать Париж.

21 мая Нуреев впервые вышел на сцену парижской «Гранд-Опера» в балете «Баядерка», в своей любимой партии Солора. Публика неистовствовала.

Успех на сцене породил массу почитателей и поклонниц, среди которых оказалась чилийка Клара Сент, помолвленная с сыном министра культуры Андре Мальро. Ей предстояло сыграть роль в новой, не балетной, а политической партии Рудольфа Нуреева. Но это произошло лишь на 37-й день пребывания русской «звезды» в Париже, а пока Нуреев восторгался и пеленялся Парижем.

И в Москву, на Лубянку, одна за другой летели депеш. В архивах КГБ до сих пор лежат целых пять томов «дела Нуреева», насчитывающие 2343 страницы.

Из записки председателя КГБ Александра Шелепина в ЦК КПСС: «3 июня сего года из Парижа поступили данные о том, что Нуреев Рудольф Хамитович нарушает правила поведения советских граждан за границей, один уходит в город и возвращается в отель поздно ночью. Кроме того, он установил близкие отношения с французскими артистами, среди которых имелись гомосексуалисты. Несмотря на произведенные с ним беседы профилактического характера, Нуреев не изменил своего поведения...».

Товарищи Нуреева по Кировскому театру после спектаклей благодарно и чинно возвращались в свой отель на площади Республики, а Нуреев опрометью бросался в другую сторону от отеля, где его ждали новые друзья: Клара Сент, Пьер Берже, Марио Буа, Клар Мотт, Пьер Лакот и Жан-Пьер Бонфу, большинство из них — артисты «Гранд-Опера».

Из записки «железного Шурика» из КГБ в ЦК КПСС: «8 июня сего года резидент КГБ в Париже доложил, что Нуреев прекратил ночные отлучки, улучшил свое поведение, в связи с чем посол принял решение воздержаться от откомандирования его в СССР».

Но паинькой Нуреев стал на день-два. Отравленный свободой жить в неволе уже не может. И Рудольф Нуреев снова взялся за свои «ночные отлучки». Наказание последовало незамедлительно: отозвать!

Нуреев бросился к телефону-автомату звонить Кларе Сент: спасай, я в беде!.. Через 20 минут Клара была в аэропорту «Ле Бурже».

Труппа улетела уже в Лондон вместе с нуреевским чемоданом, а Нуреев остался под присмотром одного из сопровождающих, точнее сказать, надсмотрщика. «Когда гэбэшник увидел, что Клара приближается, сопровождаемая двумя французскими полицейскими, он сразу же приступил к решительным действиям и быстро обшарил весь зал. Обнаружив меня, прячущегося за колонной, он попытался схватить меня в охапку и затаскать в маленькую комнату... Но мне удалось ускользнуть от него, а так как зал в ту минуту был полон народом, он побоялся, очевидно, устраивать публичный скандал».

Воспользовавшись этим обстоятельством, я направился обратно в бар, чтобы Клара могла меня легко найти. И действительно, я увидел ее в другом конце бара... Клара спокойной предложила мне перед отъездом выпить с ней чашечку кофе. Я посмотрел на нее, затем на двух французских полицейских. Перед глазами все как будто поплыло: мне страшно хотелось убежать, и в то же время на секунду, которая, казалось, длилась вечно, мои мышцы вдруг стали такими тяжелыми, будто они были из свинца. И затем я сделал это, совершив самый длинный и захватывающий дух прыжок в своей жизни, я приземлился прямо в руки тех двух полицейских. «Я хочу остаться, проклинаю я, задыхаясь... Я хочу остаться!».

Пароль: сосиски

Алла Осипенко, бывшая партнерша Нуреева по Кировскому театру, спустя три десятилетия вспоминала о том времени в журнале «Русская Америка»:

«...Ситуация сложилась страшная. В Ленинграде осталась сестра Рудика Роза, которая позднее переехала на Запад. После того, как Рудик остался, я все годы поддерживала с Розой связь. Роза боялась КГБ. Из-за этого порой складывались смешные ситуации. Она мне звонила и спрашивала: «Алла, тебе нужны сосиски?». Я отвечала: «Нужны». Это был пароль. Это означало, что вечером она может ко мне прийти. И вот однажды она звонит, и как всегда говорит о сосисках, а потом добавляет: «Нет, правда, сосиски тебе нужны? Тут возле меня продают, тебе взять?». Так мы жили. Ужас. Однако она решила все-таки в судебном порядке оправдать Рудика. Она подала в суд. Дело слушалось в Ленинградском городском суде. На заседании пришли работники сцены. Из балета были только Аллочка Сизова и я. В процессе опроса свидетелей все-таки удалось доказать, что Рудик остался не по своей воле. По статье «за измену Родине» Рудик дал 7 лет. Минимальный срок. За «непреднамеренную измену Родине...». В театре как? Что давали, то танцевать. А он хотел и добился свободы не только в жизни, но в творчестве...».

Он был гений. У него раздвинулись крылья носа

Плоды свободы

После того, как Рудольф остался на Западе, КГБ долгое время продолжал за ним слежку. Помимо этого, по указке органов родители и друзья Рудольфа звонили ему в Париж, следили за ним, увещевали его одуматься и требовали вернуться домой, на родину.

Вначале Нурееву за кордоном было весьма тяжело. «Предателя родины» могли в любой момент похитить и вернуть в СССР, поэтому из-за постоянных угроз со стороны советских спецслужб (среди прочих акций разрабатывался план автомобильной катастрофы) Нуреева сопровождали повсюду — на улице, дома и в театре — два детектива. Вместо полной свободы Нуреев получил свободу под присмотром.

Луи поставил на него три балета: «Момент», «Виваче» и «Канарская Венера», Марта Грехэм — балеты «Климентина», «Люцифер» и «Письмо Скарлет», а Джордж Баланчин — «Мещанин во дворянстве». С Нуреевым работали такие выдающиеся хореографы нового направления, как Морис Бежар, Ролан Пети, Биргит Кульберг, Рудиван Данциг.

Американский критик Клайв Барнс в книге «Нуреев» пишет: «Его жажда танцевать была беспредельна, многие задавались вопросом: зачем? Ни один танцовщик в мире не танцевал так много, как он... Он зарабатывал астрономические деньги, стал очень богат, квартиры в Париже, Нью-Йорке, Монте-Карло, остров в Средиземном море, коллекции картин, фарфора, скульптур. Но не богатство влекло его на сцену, не богатство заставляло его танцевать каждый вечер...».

Рудольф Нуреев и Марго Фонтейн

Когда Нуреев был молодым танцовщиком Кировского театра, он мечтал танцевать с Фонтейн, хотя до встречи с ней в 1961 году еще не знал, ни как она сама выглядит, ни сколько ей лет. «Но ее имя было волшебным», — вспоминал Нуреев. Они встретились и танцевали вместе почти 20 лет; назывались «идеальным дуэтом» — по уровню сценических контактов.

Их связь началась с телефонного звонка в конце октября 1961 года. Марго Фонтейн предложила Нурееву приехать в Лондон и выступить 2 ноября в Королевском театре на традиционном гала-концерте. Его имя Марго подкачала Вера Волкова, с которой занимался Нуреев. Волкова так охарактеризовала Нуреева: «Он — гений, у него раздвинулись уголки носа». Этого оказалось достаточно, чтобы Марго Фонтейн подняла трубку и позвонила из Лондона в Париж.

Нуреев был весьма польщен предложением, но у него не было денег на поездку в Англию, и тогда на помощь ему пришел критик Найджел Гослинг из газеты «Обсервер». Деньги сразу нашлись, и Нуреев появился в Лондоне под вымышленным именем Романа Джаксмина, якобы танцовщика из Польши. Но это был секрет Полишея: Нуреева узнали сразу — волны его популярности давно докатились до берегов Темзы.

Итак, ноябрь 1961 года. Рудольф Нуреев 23 года, Марго Фонтейн — 42, между ними 19 лет разницы. Нуреев начинает свой взлет, Фонтейн находится на закате. 21 февраля 1962 года состоялся этот, без всякого преувеличения, судьбоносный спектакль.

После первого же спектакля в паре с Фонтейн Нуреев получил приглашение в труппу Королевского балета, чего не удавалось ни один танцовщик, если он не был гражданином Британской империи. Нуреев и Фонтейн стали танцевать вместе. К зрелой Марго вернулась вторая молодость.

17 марта Рудольфу Нурееву исполнилось бы 60 лет

Образно говоря, молодой Руди влил свежую кровь в тело стареющей Марго Фонтейн, а она, в свою очередь, развила его душу. Марго Фонтейн и Найджел Гослинг следили за его чтением, воспитывали в него вкус к произведениям искусства. Именно у Марго и Найджела Нуреев перенял аристократический стиль жизни и вместе с тем научился быть более осмысленным и жестким и вести свои финансовые дела, другими словами, научился выживать на Западе.

Я был таким неуклюжим, бесловесным, заторможенным, — говорил Нуреев. — И знал только одно: я должен выдать из себя раба. Я не отказывался говорить вслух даже то, чему научился по-английски. Марго и Найджел научили меня, и я благодарен им за это. Я просто изумился, когда наконец-то решился заговорить. Черт возьми, какие только темы я не затрагивал! Какие дали открылись передо мной! Какие перспективы!..

В октябре 1964 года в Вене, где он танцевал с Марго в «Лебедином озере», их вызывали 89 раз. Это был пик того самого успеха и, соответственно, рекорд, занесенный в Книгу Гиннесса.

Марго Фонтейн приходилось постоянно обуздывать Руди. Когда звезда Нуреева засветилась особенно ярко, и вокруг него началась настоящая «рудимиация», он проявлял не самые лучшие качества своего характера: любил шокировать людей, испытывать их терпение, приходил в ярость из-за пустяков. Он умудрялся грубить даже критике Марго.

А любил ли ее Руди?

«Я любил троих, — скажет позднее Нуреев. — Любил Марго, любил Эрика Бруна, любил Эштона». На одном из ужасных гостевых спектаклей из-за великого Руди, а он сохранил место рядом с собой для Марго.

Почему ты это сделал? — спросила она, когда пришла.

Мне нужен этот спектакль, — ответил он.

Так что, спрашиваешь: игра на публику? И да, и нет. С одной стороны, Нуреев хотел привлечь внимание всех на свою особу, но с другой — ему было приятно находиться рядом с Фонтейн.

Они долго танцевали вместе. В 1979 году ей было уже 60 лет, а ему — 41, и он продолжал танцевать Ромео, Фонтейн же пришлось сменить роль юной Джульетты на возрастную сеньору Капулетти. Время брало свое.

Близкие вспоминают последнее признание Нуреева в его квартире на набережной Больтера — открытие, выравшееся из тайников его души. «Я должен был на ней жениться», — хрипло прошептал он, потрясенный известием о смерти Марго Фонтейн.

От зенита к закату

Нурееву тяжело стало выдерживать взятый им темп выступлений на сцене. Он заставлял себя выступать 250 раз в год в течение 20 лет. Для танцовщика это немисливо.

Когда поток первоклассных ангажементов стал иссякать, Нуреев начал соглашаться и на сомнительные гастроли. Все чаще стали появляться заметки о скандалах и распрях. Он уже перестал справляться с ролью лидера парижского балета, совсем недавно лопнул ангажемент на выступление в Вероне в балете «Смерть в Венеции»: Нуреев дал пощечину одному из танцоров, который на репетициях больно выворачивал ему правую руку, пораженную артритом («Нарочно! Из подлости и злобы!»).

Из-за боязни померкнуть как та н а о в ц и к Нуреев занялся хореографией. Первую попытку он сделал в 28 лет, поставив в Вене балет «Танкред» на музыку Ганса Вернера Хенце. Спусти 10

ния вы получили возможность вернуться в Россию. Какое чувство вы испытали прежде всего?

— Конечно же, радость, но радость «странную» — кисло-сладкую... — ответил Нуреев. — Мне было трудно. Я увидел мою мать, которая меня не узнала.

Поклад Нуреев бывшую родину со скандалом — на танго его подвергли унижительному обыску, и это было последней обидной каплей. Когда он захотел зайти в хореографическое училище, в котором началась его балетная жизнь, вахтер его не пустил. И это после мировой славы!.

Второй раз Нуреев приехал в Россию в ноябре 1989 года по приглашению художественного руководителя Кировского театра оперы и балета Олега Виноградова. Он дважды выступил в «Сильфиде».

Репетиция балета «Сильфида» на музыку Х. Левенскольда, где Нурееву предстояло выступать в главной роли Джеймса, стала уроком зрелого профессионального мастера. На репетиции собралась почти вся труппа, журналисты, балетные критики. И снова убедились, что Нуреев — незаурядный артистический талант, где природная пластичность гармонично сочетается с полной отдачей.

«Сильфида» с Нуреевым прошла с триумфом. Через шесть дней после спектакля, 25 ноября, он уже выступил в Нью-Йорке. В третий раз в Россию вернулось только его имя, обрамленное легендой.

Болезнь и смерть

Есть расхожее выражение: за все надо платить. За свою раскованность и свободу, за свой тайный Эрос Рудольф Нуреев заплатил сполна.

В конце 1984 года, год спустя после назначения на пост художественного руководителя «Гранд-Опера», Нуреев поведал своему другу и личному врачу Мишелю Канези, что с ним что-то не в порядке. Руди уже знал о новой болезни СПИД, о которой с тревогой говорили тогда в США, и начал проявлять беспокойство.

«Скоро ему стало совсем плохо. Когда было совсем невмоготу, приходил ко мне, оставался ночевать, — рассказывал его секретарь и менеджер Пиньотти. — Моя жена готовила ему еду. Утром я входил в его комнату, — он лежал, глядя перед собой, о чем-то напряженно думал. Он уже вошел в темный туннель, выхода из которого не было... Танцевать не мог, проваливал дирижировать оркестром — лишь бы работать...».

А теперь обратимся к парижским заметкам Юрия Коваленко:

«Врач Мишель Канези направил Нуреева для прохождения тестов на СПИД к известному специалисту Вилли Розенбому в больницу «Сальпетриер» — единственное место в Париже, где их тогда делали. Нуреева, разумеется, сразу узнали, и тут же Париж заговорил о том, что знаменитый танцор болен СПИДом. Анализы показывали, что его страхи не напрасны: Рудольф действительно являлся носителем вируса этой болезни. Он, несомненно, заразился 4—5 лет назад, то есть в 1979—80 годах».

Нурееву стали делать внутривенные инъекции препарата НРА 23. То ли лекарство подействовало, то ли организм на первых порах успешно сопротивлялся болезни, но Нуреев почувствовал себя снова здоровым и отправился в гастрольную поездку в Испанию.

Гастроли следовали за гастролями. Нуреев танцевал прекрасно, и постепенно разговоры о его недуге прекратились. Но болезнь лишь притаилась на время. В каждую свою поездку Нуреев брал с собой, по словам Канези, «трюны лекарств», но порой забывал их принимать. Состояние его здоровья начало серьезно ухудшаться летом 1991 года. Весной 1992 года Нуреев попал в клинику «Амбураз-Пар» с новым диагнозом: перикардит (воспаление околосердечной сумки). Ему сделали операцию.

Можно только удивляться силе воли Рудольфа Нуреева, но 6 мая того же года он дирижировал оркестром нью-йоркского театра «Метрополитен-Опера», вдохновенно исполняя музыку балета «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева.

...Нуреев вернулся в Париж 3 сентября 1992 года, чтобы возобновить прерванные репетиции своей последней постановки — балета «Баядерка».

Премьера «Баядерки» состоялась 8 октября 1992 года.

Публика устроила Нурееву овацию за его блистательное искусство и за его личное мужество: его болезнь ни для кого не была секретом. После премьеры прямо на сцене министр образования и культуры Франции Жак Ланг вручил Нурееву Орден командора изысканных искусств и словесности. Глядя на гримасы боли и страдания на смуглом лице «гения балета» — так часто называли Рудольфа Нуреева — многие артисты не смогли сдержать сочувственных слез.

— Он был суров с нами, — сказал один из них. — Иногда просто невнятно. Но он привнес в наш театр что-то необыкновенное и яркое: страсть...

— В последние месяцы характер Нуреева изменился, — говорил наблюдавший его врач Мишель Канези, — он стал мягче и добрее и чем-то напоминал Петрушку, фольклорную русскую куклу, никогда не унывавшую и непобедимую, но в конце концов вынужденную согласиться с печальным концом.

Нуреев умер тихо и спокойно, не проклиная и не жалуся. Предсказывая, что минуты жизни его сочтены, он несколько раз повторил: «Как хорошо жить!».

Рудольф Нуреев умер 6 января 1993 года, не дожив до своего 55-летия ровно 70 дней.

Панихида состоялась во дворце Гарнье, где находится парижская опера, туда гроб с телом Нуреева везли на своих плечах знаменитые танцоры, а юные балерины с букетами белых хризантем встали в почетный караул. Нуреев покаялся в гробу в вечернем костюме и в чалме. Прощание прошло возвышенно и красиво. Как классический балет, но только очень печальный. Звучала музыка Чайковского и Баха. Согласно предсмертной воле Нуреева, на пяти языках читали стихи Пушкина, Байрона, Микеланджело, Гете и Рембо...

Горькая радость

В Россию Нуреев приехал в 1987 году всего на три дня, ему разрешили проститься с умирающей матерью. В стране шла перестройка, и Нуреева уже не считали изменником родины. Кто-то из корреспондентов спросил его:

— После почти 30-летнего изгна-

42.03.98

Нуреев Рудольф